

WANG LILI

Стереотипные представления о ленивом человеке: лингвокогнитивный анализ культурных моделей русского и китайского языков

Stereotypical representations of a lazy person: Linguo-cognitive analysis of cultural models in the Russian and Chinese languages

Abstract. The purpose of the research is to analyze the content of Russian and Chinese proverbs, identify stereotypical ideas about a lazy person and compare the data of the two languages. Based on the analysis, the perceptual and inferior meanings of proverbs were identified. Perceptual meanings involve native speakers' stereotypical representations obtained through observations: “a lazy person stays in bed a lot, sleeps for a long time”; “a lazy person tends to sit around most of the time and move just a little and slowly”; “a lazy person is fond of eating, but hates working”; “a lazy person does nothing with his hands”. It was concluded that the perceptual meanings of Russian and Chinese proverbs generally coincide. The following is referred to as the inferior meanings: “the conclusion about the causal relationship between laziness and a lack of necessary food and a warm shelter”; “generalization – a lazy person neither benefits from it themselves nor brings any benefit to the society”; “conclusion about the causal relationship between work/laziness and human life expectancy”. It was concluded that the inferior meanings differ: Russian proverbs represent the idea that hard work leads to illness and shortens a person's life, while Chinese proverbs reflect the stereotype “work prolongs a person's life, whereas laziness makes people grow old”. Unlike the Chinese language, in which laziness is always categorically disapproved of directly, the Russian language reflects a condescending attitude towards lazy people.

Keywords: phraseology, stereotype, perceptual meanings, inferior meanings, lazy man

Wang Lili, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv – Ukraine, lilychuqiji@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5599-942X>

В современной научной литературе исследования лингвокультурных концептов относят к „социокультурному” направлению в когнитивной лингвистике (Irishanova 145). Когнитивной семантике присущ интерес к этнокультурным различиям в конструировании образа мира, например Джорджу

Лакоффу и Марку Джонсону принадлежит понятие идеализированной когнитивной модели (ИКМ), Anne Вежбицкой – культурного скрипта. Исследователи отмечают, что когнитивные модели инкорпорированы в культурные модели и для анализа их взаимодействия важно выявить специфические ограничения, налагаемые на реализацию когнитивных моделей в том или ином языке, т. е. часто в конкретных сопоставительных исследованиях когнитивные модели как инструмент исследования языковой семантики приобретают характер культурных моделей. Культурные модели в когнитивной лингвистике – это „связующее звено между описанием универсальных когнитивных процессов [...] и изучением культурно-специфических особенностей их реализации в разных языках” (Irishanova 147).

Так, универсальные идеи *лени* и *труда* являются ключевыми мировоззренческими идеями, которые для русского народа наполнены особым содержанием (Ševčenko 506–509). В китайском языке и китайской культуре эти идеи имеют свое специфическое содержание.

В работах современных лингвистов Анны Зализняк, Ирины Левонтиной, Алексея Шмелева, Вероники Телия исследуется языковая картина мира. Языковая картина мира предстает как сложившаяся давно и сохранившаяся доньше национальная картина мира, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа. В лексических значениях слов и в правилах их сочетаемости отражены готовые стереотипные представления, которые воспринимаются как аксиомы носителями данной культуры и языка. Именно стереотипы обладают наибольшей устойчивостью и шаблонностью. Мир стереотипных коллективных представлений обеднен, но вне его невозможной была бы целостная картина мира. Стереотипы формируются за счет того, что наше сознание ориентировано прежде всего на те образцы, которые встречаются чаще других и как бы избегают исключения из правил; так, если объект существует в нескольких разновидностях, то ориентация идет на усредненный образец. Например, *зеленый цвет* воспринимается как *цвет травы*, хотя существует масса оттенков зеленого цвета и трава не всегда имеет зеленый цвет. Стереотип – это абстрактная схема, обобщенный образ. Стереотипной картиной мира владеет любой носитель языка, а метафора и фразеология наилучшим образом отражают ее в языке.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать содержание русских и китайских пословиц, выявить стереотипные представления о ленивом человеке и сопоставить данные двух языков. Если объектом является семантика пословиц, то предметом – стереотипы поведения ленивого человека. Методологической основой исследования служит теория культурной коннотации и внутренней формы фразеологизмов Вероники Телия.

Телия отмечает, что наиболее точное и ясное выражение стереотипов можно найти в семантике фразеологизмов. Фразеологизмы обладают коннотацией, в которой выражается культурно-национальная специфика языка. При анализе культурной коннотации нужно исходить из того, что система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода „нишей” для сохранения и выражения мировидения и духовной культуры народа и может свидетельствовать о культурно-национальном опыте и традициях (Teliâ 214–237). Культурная коннотация и внутренняя форма соединяют семантику фразеологизма со знаком культуры – концептом, стереотипом, эталоном, символом, мифологемой.

Сопоставительный анализ русской и китайской фразеологии: идиом, пословиц, поговорок – позволил выявить стереотипные представления о ленивом человеке. Стереотипные представления конвенционализированы в семантике фразеологизмов посредством их внутренней формы. Для фразеологизмов как знаков вторичной номинации внутренняя форма – это буквальное значение слов.

С позиций когнитивной семантики паремиологический материал можно разделить на две группы. Первая группа содержит результаты созерцательно-чувственного познания мира (перцептуальные значения), а вторая – активного рационального познания, которое когнитивисты связывают со способностью делать выводы в процессе обработки информации (инферентные значения) (Kubrâkova 33).

Как в русской, так и в китайской фразеологии отражены следующие стереотипные представления носителей языка, полученные в результате наблюдения за поведением ленивого человека (перцептуальные значения): 1) ленивый человек много лежит, долго спит; 2) ленивый человек много сидит, мало и медленно двигается; 3) ленивый человек любит поесть, но не любит работать; 4) ленивый человек ничего не делает руками.

Стереотип „ленивый человек много лежит, долго спит” запечатлен в семантике большого количества русских пословиц. Так, в пословице *Отлежав бока, не любо за молотило взяться* лексема *бок* обозначает горизонтальное положение тела человека, связанное с прототипической ситуацией *лежания* как стереотипным поведением лентяя. Фразеологизм *плевать в потолок* ‘совсем ничего не делать, бездельничать’ также отсылает к ситуации „ленивый лежит на спине”. Ср. также: *Лежит на боку да глядит за реку; Лежа, не работают; Кто много лежит, у того и бок болит; Люди жать, а мы под межою лежать* и др. (Dal' 10–21). В китайском языке обнаруживаются пословицы с подобным значением, ср.: *Ленивый сидя спит, лежа работает* || 懒汉坐着睡觉, 躺着吃饭 ‘Ленивые спят в сидячем положении, едят в лежащем положении’ (Wen Duanzheng 487); *勤人没瞌睡, 懒人瞌睡多* ‘Ленивый

человек более сонлив, чем трудолюбивый’ (Wen Duanzheng 720); 懒汉坐着睡, 吃饭想人喂 ‘Ленивые спят в сидячем положении, едят и хотят, чтобы их кто-нибудь кормил’ (Wen Duanzheng 487).

Стереотипное представление о том, что „ленивый человек много сидит, мало и медленно двигается”, отражено в семантике русских пословиц: *Сидит Елеса, ноги свеся; Ленивый сидя спит, лежа работает; Глядит в окно да ест толокно* и др. (Dal’ 10–21). В китайском языке тоже есть пословицы с таким значением, ср.: 坐等禾苗黄—懒汉 ‘Ленивые сидят и ждут, пока зерновые поспеют’ (Wen Duanzheng 1367); 坐享其成 ‘Ленивые сидят и наслаждаются результатами чужих трудов’ (Wen Duanzheng 1367). Стереотип „желание находиться в статике, не двигаться, не действовать, не шевелиться” представлен в следующих русских пословицах: *Шел бы воевать, да лень сабли вынимать; Проглотить-то хочется, да прожевать лень; Некстати спесив: ему замеси да и в рот понеси* и др. (Dal’ 10–21). В китайских пословицах обнаруживаем тот же стереотип, ср.: 不怕淹, 不怕旱, 就怕懒人不动弹 ‘Не бойся дождей и засухи, а бойся лентяев, которые не двигаются’ (Wen Duanzheng 62); 陀螺不抽不转 ‘Если не заводите юлу, она не будет крутиться’ (Wen Duanzheng 1020); 不怕山高路远, 只怕中途偷懒 ‘Если предстоит длинная дорога, а человек не хочет двигаться, то он не дойдет до конца’ (Wen Duanzheng 63); 懒汉住井边, 也会干渴死 ‘Ленивые умрут от жажды, даже если живут у колодца’ (Wen Duanzheng 487).

Стереотип „ленивый человек любит поесть, но не любит работать” отражает прототипическое поведение лентяя и представлен как в русском, так и в китайском языке. Ср. русские пословицы: *Ел бы да пил – вот мое дело; Пилось бы да елось, да работа на ум не шла; На работу позадь последних, на еду наперед первых; Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать* и др. (Dal’ 10–21). Ср. китайские пословицы: 人越嬉越懒, 嘴越吃越馋 ‘Чем больше человек развлекается, тем ленивее становится; чем больше ест, тем ненасытнее становится’ (Wen Duanzheng 800); 好吃懒做, 到老不成货 ‘Если человек любит поесть, но не любит работать, то в старости у него ничего не будет’ (Wen Duanzheng 349); 吃饭拣大碗上场拣小杈 ‘Ленивый выбирает самую большую порцию еды и самую легкую работу’ (Wen Duanzheng 104).

Стереотип „ленивый человек ничего не делает руками” запечатлен во внутренней форме следующих паремий, ср.: *У него руки висят отболтались; Не сиди сложа руки, так не будет и скуки; Люди пахать, а мы руками махать; Руки в брюки; Работать спустя рукава; Сидеть сложа руки* (Molotkov 428). Внутренняя форма – это значение „трудовая деятельность осуществляется руками”, поэтому *сложенные, опущенные, висящие, неподвижные руки* или *бесцельное махание руками* становится символом бездеятельности. Стереотипное представление „руки – главное орудие труда для человека” пред-

ставлено как в русской, так и в китайской фразеологии. Ср.: 勤快的人用手, 懒惰的人用口 ‘Трудолюбивые пользуются руками, а ленивые – ртом’ (Wen Duanzheng 721); 勤人过山易, 懒人动指难 ‘Трудолюбивые переходят горы легко, а ленивым сложно щелкнуть пальцами’ (Wen Duanzheng 720).

Как в русской, так и в китайской фразеологии отражены стереотипные представления носителей языка, полученные в результате умозрительных выводов. К инферентным значениям относим следующие: 1) вывод о причинно-следственной связи между ленью и отсутствием необходимого, в частности пищи и теплого жилища; 2) обобщение – ленивый не приносит пользы ни себе, ни обществу; 3) вывод о причинно-следственной связи между трудом/ленью и продолжительностью жизни человека.

Так, русские пословицы, отражающие идею о существовании причинно-следственной связи между ленью и отсутствием необходимого, в частности пищи и теплого жилища, произносятся в порядке поучения, ср.: *Хочешь есть калачи, так не сиди на печи! У ленивого что на дворе, то и на столе (ничего); На полатах лежать, так и ломтя (и хлеба) не видать; Не потрудиться, так и хлеба не родится (не добиться); Кто толчет, тот и хлеб печет; Пролениться – и хлеба лишиться* (Dal' 10–21). Сравнивая русские и китайские пословицы, можем заметить, что китайские пословицы более категоричны: в них как будто бы констатируется факт „если будешь лениться, то будешь голодать”. Ср.: 懒惰懒惰, 受冷挨饿 ‘Ленивый будет испытывать голод и холод’ (Wen Duanzheng 487); 懒惰将会挨饿 ‘Будешь лениться – узнаешь голод’ (Wen Duanzheng 487); 懒惰懒惰, 受冷挨饿, 勤俭勤俭, 吃饱穿暖 ‘Если человек ленивый, то он будет подвергаться холоду и терпеть голод. А если человек трудолюбивый, то он будет обеспечен пищей и одеждой’ (Wen Duanzheng 721); 勤人荒年打粮食, 懒人丰收饿肚皮 ‘Трудолюбивые люди собирают хлеб даже в неурожайные годы, ленивые люди остаются голодными даже в урожайные годы’ (Wen Duanzheng 722).

Стереотипное обобщение „ленивый не приносит пользы ни себе, ни обществу” представлено в следующих русских пословицах: *Без дела жить – только небо коптить; Лень добра не деет; Лень к добру не приставит; И дурак праздники знает, да будней не помнит; У него дело из рук валится; Работа в руках плеснеет (гниет)* (Dal' 10–21). В китайских пословицах, в отличие от русских, выражено более категоричное осуждение лени и предостережение: 懒人之路, 充满荆棘 ‘Путь ленивых – очень опасный’ (Wen Duanzheng 486); 不怕家里穷, 只怕出懒虫 ‘Не бойся, что бедная семья, а бойся того, что в доме есть лентяй’ (Wen Duanzheng 57); 懒惰办不成事 ‘У ленивого человека дело не удастся’ (Wen Duanzheng 487); 功名不上懒人头 ‘Слава не благоволит к ленивому’ (Wen Duanzheng 286); 才能一但让懒惰支配, 它就一无可 ‘Если лень управляет действиями, то человек ничего

не добьется' (Wen Duanzheng 76); 劳动能将戈壁滩变成绿洲, 懒惰能将绿洲变成废墟 'Труд может превратить пустыню в оазис, лень превращает оазис в руины. Лень является недостатком, который способствует появлению у человека других пороков' (Wen Duanzheng 491).

Сопоставив русские и китайские пословицы, можем сделать выводы об их сходствах и различиях. К различиям относим содержание выводов о причинно-следственной связи между трудом/ленью и продолжительностью жизни человека. Русские пословицы содержат умозаключения о том, что тяжелая работа приводит к болезням и укорачивает жизнь человека (с точки зрения русского крестьянства), ср.: *От работы кони дохнут; Заработали чирий да болячку да третий горб; Ретивая лошадка недолго живет; Ретивый насадится; Лошадка с ленцой хозяина бережет* (не надорвется и не введет его в убыток). *Пиво с кваском (с кислотой), лошадь с запинкой да человек с ленцой два века живут. Конь с запинкой да мужик с заминкой не надорвутся* (Dal' 10–21). Пессимистический взгляд русского крестьянства отражен в диалоге: – *А когда досуг-то будет?* – *А когда нас не будет; Будет досуг, когда вон понесут* (т. е. как помрешь) (Dal' 10–21).

В русском языке есть идиомы со значениями „тяжело и изнурительно работать на кого-либо”; „изматывать непосильным трудом, доводить до полного изнеможения, до полной потери жизненных сил”, которые имеют помету „говорится с неодобрением”, ср.: *работать до седьмого пота, гнуть/ломать спину/спины/хребет/горбы* (кто на кого); *выжимать сок/соки* (кто из кого); *высосать соки* и др. Тяжелая работа оценивается как *египетская, каторжная* (Molotkov 428).

В отличие от русских, китайские пословицы отражают стереотип „труд продлевает жизнь человека, а лень заставляет стареть”, ср.: 懒惰催人老, 勤劳能延年 'Лень заставляет стареть, а труд продлевает жизнь' (Wen Duanzheng 486); 劳动使人长寿 'Труд заставляет людей жить дольше' (Wen Duanzheng 490); 懒惰比勤劳更能消耗身体 'Лень вреднее для здоровья, чем труд' (Wen Duanzheng 487).

Несмотря на то, что универсальная оценка – осуждение праздности, лени – обнаруживается в содержании и русских, и китайских пословиц, ср.: *Праздность – мать пороков* (переводная); *Лентяй да шалопай два родных брата; Бить баклуши* (чурбаны, из которых точат деревянные чашки) (Dal' 10–21); *Он состоит в комитете по утапыванию мостовой; 懒惰乃万恶之源* 'Лень – источник всего зла' (Wen Duanzheng 486); *勤奋和智慧是双胞胎, 懒惰和愚蠢是亲兄弟* 'Трудолюбивие и мудрость – близнецы, а лень и глупость – братья' (Wen Duanzheng 719), – все же между ними имеются принципиальные различия.

Специфику русской фразеологии связываем со следующим фактом языка: в русском паремнологическом материале, в отличие от китайского, звучит голос лентяя, который оправдывает свою лень, ср. пословицы, в которых выражена мысль „лежать на печи лучше, чем тяжело работать”: *Печь не пролежишь; Как ни мечи, а лучше на печи; Спишь, спишь, а отдохнуть некогда (не дадут); „желание не работать сегодня, а перенести работу на завтра” запечатлено в следующих паремиях: День к вечеру, а работа к завтраму; Всех дел не переделаешь; Нашей работы не переработаешь; Всех работ не переработаешь.* Следующие пословицы отражают мысль „работа никуда не денется, поэтому не нужно спешить ее выполнять”: *Работа не волк, в лес не убежит; Работа не черт, в воду не уйдет; Дело не медведь, в лес не уйдет; У бога дней впереди много: нарабатываемся; Была бы охота, а впереди еще много работы; Что дело, дело не сокол – не улетит.* Русский лентяй мечтает о том, чтобы у него всегда было все необходимое, и в этом случае можно не работать, ср.: *Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи; Сыт да богат, не хочу работать, а дети будут – сами добудут* (Dal' 10–21).

С точки зрения русского народа Бог должен дать человеку самое необходимое, ср.: *Жилами не нажить (не натянешь), чего бог не даст.* В содержание следующих пословиц входит просьба бедного крестьянина к Богу. Суть просьбы (мечты) состоит в том, чтобы Бог послал хороший урожай, несмотря на то, что крестьянин ничего не посеял, ср.: *Уроди, боже, побольше, а не посеяно – ни горсти!; Уроди бог много, а не посеяно ничего!; Не посея ни горсти, да пошли бог пригоршни!* Если этот идеальный сценарий воплощается в жизнь, то пословицы констатируют следующее: *Ленивому всегда праздник; Ленивый что богатый: все гуляет* (Dal' 10–21).

С точки зрения китайцев, наоборот, еда, одежда, жилище не упадут с неба: 天上不会掉馅饼 ‘С неба не падает бесплатная вкусная еда, такая как пирожки’ (Wen Duanzheng 987). В содержании китайских пословиц нет идеи оправдания поведения ленивого человека.

Нас интересует ответ на сложный вопрос: как можно объяснить обнаруженные различия. В процессе размышления над возможными причинами можем высказать некоторые предположения, связанные с социально-историческими обстоятельствами жизни русского и китайского народов. Во-первых, рассматриваемые русские пословицы, изданные Владимиром Далем в конце 50-х – начале 60-х годов XIX столетия, посвящены барщине – крепостному, принудительному труду зависимого крестьянина, который работал в хозяйстве земельного собственника, барина, и поэтому не был заинтересован в результатах своего труда. Ср.: *Господской (барской) работы никогда не переработаешь.* Во-вторых, исследователи отмечают, что

Русскому натуральному хозяйству в течение многих веков было присуще общинное пользование. Такая форма ведения хозяйства могла порождать безответственность [...] в России в условиях общинной формы жизни можно было не бояться остаться без средств к существованию. Отсюда возникало желание „увильнуть” от работы (т. е. леность) и впоследствии воспользоваться плодами чужого труда (иждивенчество), что широко представлено фразеологическими единицами за счет противопоставления зон концепта ТРУД и концепта ЛЕНЬ, которые закреплены за разными членами общины, причем часто в соотношении один к семи, за счет несоответствия объема работы и числа участников трудового процесса [*Один с сошкой, а семеро с ложкой; Семеро одну соломину поднимают; Двое пахут, а семеро руками машут; Любо глядеть на молотильщиков* (только бы самого не заставили)] (Borševa 21–22).

История китайского натурального хозяйства иная: периоды государственной собственности на землю чередовались с периодами частной собственности. Начиная с династии Цинь (221 г. до н. э.) в Китае была введена частная собственность на землю: крестьяне платили ренту за постоянное пользование землей. Это в значительной степени стимулировало энтузиазм людей к работе, так как благодаря упорному труду люди могли жить более благополучно. В период же феодализма в Китае происходили изменения земельного строя. В эту историческую эпоху крестьяне не могли владеть своей собственной землей. Большая часть их трудовых доходов присваивалась правящим классом, что сильно сказывалось на энтузиазме крестьян (Sun' Sâoûn 105).

С нашей точки зрения, одной из важнейших причин, оказавших глубокое влияние на китайскую культуру, является даосизм, местная религия Китая. Идеология даосизма провозглашает тезис о том, что трудолюбие будет вознаграждено небесами, при этом понятие трудолюбия включает не только сельскохозяйственную работу, но и усердие в улучшении жизни, например, в построении карьеры, нравственном воспитании детей и др. (Čan Guanmin 111).

Считаем необходимым обратиться к мнению Николая Бердяева, который указывал на то, что некоторые качества русских людей связаны с такой важной характеристикой русской жизни, как „огромность пространств”, „власть пространств над русской душой”. Бердяев пишет о том, что прежде чем что-то делать, надо как бы собрать воедино ресурсы, рассредоточенные на большом пространстве, а если в этом большом пространстве нет границ, нет воли покорить эту землю, нет уверенности в своих силах, рождается лень. Возможно, русский человек ленив потому, что земли у него много (Berdâev 124–131).

Таким образом, проанализировав семантику и внутреннюю форму словиц, мы сформулировали стереотипные представления носителей языка, полученные в результате наблюдения за поведением ленивого человека,

и назвали их перцептуальными значениями: „ленивый человек много лежит, долго спит”; „ленивый человек много сидит, мало и медленно двигается”; „ленивый человек любит поесть, но не любит работать”; „ленивый человек ничего не делает руками”. Перцептуальные значения русских и китайских пословиц в целом совпадают. Перцептуальные значения формируют образную схему ленивого человека в русском и китайском языках.

Проанализировав стереотипные представления носителей языка, полученные в результате умозрительных выводов, мы отнесли их к инферентным значениям: вывод о причинно-следственной связи между *ленью* и отсутствием необходимого, в частности пищи и теплого жилища; обобщение – ленивый не приносит пользы ни себе, ни обществу; вывод о причинно-следственной связи между трудом/ленью и продолжительностью жизни человека. Сопоставив инферентные значения в русских и китайских пословицах, мы обнаружили различия: русские пословицы репрезентируют вывод о том, что тяжелая работа приводит к болезням и укорачивает жизнь человека, а китайские отражают стереотип „труд продлевает жизнь человека, а лень заставляет стареть”.

Обнаруженные различия можно объяснить различиями в ментальности, национальной психологии и культурных сценариях, которые сложились под влиянием истории, способов ведения хозяйства, бытового уклада, а также религиозных представлений носителей языка и культуры. Русский культурный сценарий отражает психологию мечтателя и может быть эксплицирован в следующем метавысказывании: поскольку тяжелая работа приводит к болезням и укорачивает жизнь человека, в русском паремиологическом материале звучит оправдание лени, а также мечта о том, чтобы Бог дал человеку самое необходимое, чтобы человек мог жить, не занимаясь изнурительным трудом. Китайский культурный сценарий, напротив, связан с представлениями о том, что еда, одежда, жилище не упадут с неба, и отражает стереотип „труд продлевает жизнь человека, а лень заставляет стареть”.

Библиография

- Berdâev, Nikolaj. *Sud'ba Rossii: kniga statej*. Moskva, Èksmo, 2007.
- Borševa, Ol'ga. „Informativnaâ, obraznaâ i cennostnaâ zony koncepta LEN' i ih reprezentanty v russkoj idiomatike”. *Russkaâ ustnaâ reč'*. Red. Ol'ga Krůčkova. Saratov, Izdatel'skij centr „Nauka”, 2011, s. 19–23.
- Čan, Guanmin. *Kniga Peremen s illůstraciâmi*. Czinan', Izdatel'stvo Cilu, 2014.
- Dal', Vladimir. *Poslovicy russkogo naroda: Sbornik v 2-h t*. T. 2. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1984.
- Irishanova, Ol'ga. *Igry fokusa v âzyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniâ*. Moskva, Âzyki slavânskoj kul'tury, 2014.

- Kubrâkova, Elena et al. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*. Moskva, Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 1997.
- Molotkov, Aleksandr. *Frazeologičeskij slovar' russkogo âzyka*. Moskva, Russkij âzyk, 1987.
- Sun', Sâoûn, Van Sâožu. „Izmeneniâ v zemel'noj sisteme Kitaâ: tradicii i modernizaciâ”. *Primenenie prava*, 13, 2019, s. 105.
- Ševčenko, Daniil, Roman Volkov, Marina Kalinina. „Koncepty «trudolûbivyy čelovek» i «lenivyy čelovek» na materiale russkih i anglijskih poslovic i pogovorok”. *Novye tehnologii v učebnom processe i proizvodstve*. Red. Aleksandr Platonov, Aleksandra Bakulina. Râzan', OOO „Râzan' proëkt”, 2018, s. 506–509.
- Teliâ, Veronika. *Ruskaâ frazeologiâ. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. Moskva, Âzyki russkoj kul'tury, 1996.
- Wen, Duanzheng. *Zhōngguó yànyǔ dàcídiǎn* [The Big Dictionary of Chinese Proverbs]. Shànghǎi, Shànghǎi Císhū chūbǎnshè [Shanghai, Shanghai Publishing House “Qishu”], 2011.
- Zaliznâk, Anna, Irina Levontina, Aleksej Šmelev. *Konstanty i peremennye russkoj âzykovej kartiny mira*. Moskva, Âzyki slavânskikh kul'tur, 2012.
- Zaliznâk Anna, Aleksej Šmelev. *Issledovaniâ po russkoj i komparativnoj semantike*. Moskva, Izdatel'skij Dom ÂSK, 2021.